

Дверь центрального входа, между окнами и колоннами «сталинского ампира», обитая выдавшим виды дерматином, была подходящим местом для съёмки. Я уже обдумывал, как связать в одном кадре всю эту историю, предполагая, что большего нам узнать не удастся, как вдруг мы поняли, что за нами наблюдают. Похо-

ными фанерой дырами, с барельефом огромной змеи под крышей почти заброшенной психбольницы смотрит на нас больной и, увидев, что я фотографирую, показывает мне средний палец. За что? Почему? Что это? Может, это яркий образ «сталинского вампира», проступающего сквозь время и подающего нам зловещие знаки?

В БОЛЬНИЦЕ ДАВНО ЗАМЕТИЛИ НАС И ТАЙНО, С ТРЕВОГОЙ (ЭТО НЕОТЪЕМЛЕМАЯ РОССИЙСКАЯ ЧЕРТА, ВСЁ ТОТ ЖЕ ОТГОЛОСОК СТРАНЫ — ТЮРЬМЫ) СЛЕДИЛИ ЗА НАШИМИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯМИ

же, в больнице давно заметили нас и тайно, с тревогой (это неотъемлемая российская черта, всё тот же отголосок страны — тюрьмы) следили за нашими перемещениями. Терпение подглядывавших лопнуло, когда мы приступили к съёмке на фоне двери, и они решили прекратить это нахальное действие. Из-за дерматиновой двери выглянула женщина лет 45 в сопровождении крупного мужчины в больничном одеянии. Начальственным тоном дама спросила: «Что вы здесь ищете, да ещё и фотографируете?» Мы объяснили: «Анна Бердичевская — писатель, она родилась где-то здесь, в бывшей лагерной больнице». И тут же подозрительность улетучилась, строгая медработница превратилась в милую старшую медсестру, которая нам поведала: «Правый барак (первый, который мы обнаружили) был терапевтическим корпусом, а левый, с выкопанным фундаментом, — родильное отделение», то самое, где и появилась на свет Анна Львовна Бердичевская. После принесённой нами благодарности я спросил у медсестры разрешения сфотографировать её, но получил отказ (а вдруг чего — глубокий патологический страх не отпускает).

Апофеозом истории стал последний, абсолютно сюрреалистичный эпизод. В одном из окон разрушающегося здания с живописными подтёками и трещинами, решётками и залатан-

Встреча с Анной Бердичевской не была случайной. Тема репрессий волнует меня с тех пор, как я открыл для себя Александра Исаевича Солженицына. Впервые услышал о нём в 1974 году, когда окончил школу, а его выслали из СССР. Запад возмущали описанные им репрессии в сталинские времена, а советское правительство и особенно КГБ возмущал сам Солженицын, который никак не хотел понять, что освещаемая им тема страшно вредит стране. Тем не менее в государстве с развитым социализмом существовал самиздат, и у народа возникали вопросы, на которые он получал лживые ответы:

— Что это за писатель?

— Да, писатель, который про эзков пишет.

— И чего они (Запад) «докопались» до наших эзков?

Так воспринималась информация, по крайней мере в закрытом тогда и оттого ещё более провинциальном городе Перми, где главная улица начиналась от здания собора, в котором размещалась художественная галерея, а заканчивалась «башней смерти» в стиле «сталинского ампира». Символично для той эпохи, да и для нашей, пожалуй, тоже. Сейчас, когда всё повторяется в виде фарса, становится понятным и, главное, наглядным механизм, как и почему это происходило и происходит, но смириться по-прежнему невозможно.